

© 2000 г. В.Г. ГАК

ЯЗЫК ПУШКИНА И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК*

Специалисты, изучавшие жизнь и творчество Пушкина, его язык, не раз отмечали, что связи поэта с культурой и языком Франции были глубоки и разнообразны. Французское влияние на творчество Пушкина несравненно сильнее влияния другой иностранной культуры [Томашевский 1960: 62]. Л.В. Щерба отмечал, что основу русского литературного языка составляют, конечно, исконно русские элементы, но к ним добавляются книжные церковнославянские слова, диалектные элементы, иностранная терминология, “совершенно незаметное для невооруженного глаза французское влияние” [Щерба 1957: 125]. В качестве примера последнего он приводил само слово *влияние*, кальку с франц. *influence*, и выражение *На берегу (пустынных) волн*, восходящее, по его мнению, возможно к франц. *au bord des ondes*. Незаметное у Л.В. Щербы значит не “незначительное”, но “то, которое трудно заметить”.

О Пушкине говорят, что французский язык был для него вторым родным языком [Томашевский 1960]. Ю.М. Лотман считает, что французский язык играл большую роль в творческом процессе у поэта. Пушкин нередко делал заметки, наброски, планы на французском языке, а потом при реальном художественном творчестве переходил на русский. Из этого делается вывод, что Пушкин в ряде случаев думал *по-французски*: “путь от замысла к тексту был для Пушкина очень часто переходом от французского языка к русскому” [Лотман 1994: 47]. Между тем здесь мы сталкиваемся с любопытным психологическим явлением: нередко человек записки “для себя” оформляет иным способом, нежели текст “для других”. Стендаль в свои заметки и дневники включал фразы и целые абзацы на итальянском и английском языках. Леонардо да Винчи свои заметки и наброски, не предназначенные для опубликования, писал нередко “зеркальным письмом” — справа налево, так что их приходилось разбирать с помощью зеркала [Губер 1935: 411]. Тут проявляется желание пишущего разграничить в оформлении функционально различающиеся тексты. И то, что Пушкин некоторые первоначальные и предварительные соображения оформлял по-французски, не свидетельствует о том, что этот язык был для него ближе. Тем не менее у Пушкина находят значительное французское влияние. В.В. Виноградов писал в письме к жене от 1 апреля 1927 г.: “Не сомневаюсь и имею доказательства, что пушкинская проза дает яркие отражения французского языкового строя” [Виноградов 1980: 343]. Аналогичным образом он оценивал и некоторые произведения Л.Н. Толстого: «...Л. Толстой для меня по своему языку не вполне ясен. Я убежден, что написать статью о языке “Войны и мира” нельзя, не имея под рукой хорошего перевода этого романа на французский язык. Быть может, Вам это покажется странным. Но это — так. “Война и мир” — произведение не русской, а русско-французской культуры языка. И если жизнь моя шла бы лучше, т.е. человечнее, то я прежде всего стал бы изучать русский текст романа параллельно с французским. Я и так, читая, мысленно перевожу роман на французский язык. Но мне эта работа, пожалуй, не по силам. Нужен

* Настоящая статья представляет собой расширенный вариант статьи: В.Г. Гак. Пушкинская проза и ее французский перевод // Вестник Московского Университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 1999, № 2.

природный француз, т.е. перевод француза» [Гуськова 1995: 76–77]. Здесь В.В. Виноградов высказывает важную мысль о значении изучения переводов для выявления национальной специфики художественной речи и языка в целом. Но в настоящее время незачем переводить Пушкина самим или искать переводчика. Пушкина неоднократно переводили на этот язык (одна "Пиковая дама" была переведена шесть раз), так что исследователь может пользоваться большим материалом. В дальнейшем, следуя пожеланию В.В. Виноградова, мы сопоставим некоторые прозаические произведения Пушкина с их французскими переводами, но вначале следует сказать несколько слов о галлицизмах в пушкинских текстах.

К заимствованиям и калкам из французского языка Пушкин относился "прагматически" – с точки зрения общих потребностей и интересов русского языка и русского общества. Он, разумеется, был против злоупотребления галлицизмами и сам как-то каялся в этом грехе. Но вместе с тем, он признавал и пользу, которые они могут принести языку, обогащая его. Он похвалил П.А. Вяземского, когда тот в одной из своих рецензий заступился за галлицизмы [Пушкин 1949, X: 153]. В своей статье Вяземский писал по поводу возможных нападок некоторых "строгих Аристархов" на стихи Д. Давыдова из-за возможных галлицизмов: "Пусть целостность нашего языка будет равно священной, как и неприкосновенность наших границ; но позвольте спросить: разве и завоевания наши почитать за нарушение этой драгоценной целостности?" [РПЯ 1954: 757]. Таким образом, Пушкин вместе с Вяземским полагал, что удачное и необходимое заимствование равнозначно обогащению родного языка, расширению его "территории". Здесь была и другая проблема, которую Пушкин неоднократно поднимал в письмах к тому же Вяземскому, к Чаадаеву и в других своих текстах. Как известно, язык самого Пушкина исключительно богат и разнообразен. Только в рассмотренных ниже произведениях мы встречаемся с замечательным образцом крестьянского просторечия ("Метель"), с барским просторечием ("Пиковая дама"), с картежным арго (там же), с элементами немецкого акцента в русской речи ("Гробовщик") и др. Однако Пушкин жаловался, что "ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись; метафизического языка у нас вовсе не существует" [Пушкин 1949: VII, 31]. Метафизическим, как правильно отмечает А. Ахматова, Пушкин называл язык, способный выражать отвлеченные мысли [Ахматова 1986, 2: 50]. Одной из задач, которую ставил перед собой поэт, была разработка дискурса любви в русской литературе и в русском языке (вспомним, например: *Доныне дамская любовь не изъяснялася по-русски*). Становление и развитие любовного дискурса в европейской жизни и литературе заняло много веков. В новой литературе он зародился в Провансе в XII в. не без влияния арабской любовной поэзии, затем был развит поэтами "сладостного нового стиля", писателями Возрождения. Каждое новое направление в литературе (классицизм, сентиментализм, романтизм) добавляло к нему новые краски. Он интенсивно развивался и в русской литературе XVIII в. Любовный дискурс призван был показать, что говорит влюбленный мужчина даме и о даме, какие чувства проявляет дама и что она при этом говорит и т.п. Это шло, разумеется, параллельно с разработкой психологии персонажей. Ахматова посвящает этой проблеме статью, показывая, что Пушкин в ряде случаев вдохновлялся романом Б. Констан "Адольф", который произвел большое впечатление на современников углубленной психологической разработкой любовного дискурса. Она указывает, что некоторые содержательные элементы этого дискурса были освоены Пушкиным, который «черпает из "Адольфа" целый ряд формул... для создания языка любовных переживаний» [Ахматова 1986, 2: 63]. Описывая в "Метели" любовное объяснение между Марией Гавриловной и Бурминым, Пушкин сам указывает, что слова Бурмина *Предаваясь милой привычке, привычке видеть и слышать вас ежедневно* (и далее: *ваш милый, несравненный образ отныне будет мучением и отрадой жизни моей*) напомнили Маше первое письмо Сен-Пре из романа Руссо "Юлия, или новая Элоиза" [Лотман 1994: 21]. В русском переводе соответствующая фраза звучит так: *Мы ежедневно встречаемся, и вы невольно, без всякого умысла усугубляете мои терзания*. При сопоставлении текстов Пушкина с их

французскими переводами необходимо различать “литературные” галлицизмы, т.е. заимствование, определенных положений, способов выражения чувств, и собственно языковые галлицизмы – заимствованные или калькированные слова, выражения, грамматические формы. Ахматова, наверное, была права, когда писала, что слова Адольфа к его возлюбленной *Я должен вас видеть, если нужно, чтобы я жил* могли подсказать Пушкину известную фразу Онегина: *Я знаю, век уж мой измерен; Но чтоб продлилась жизнь моя, / Я утром должен быть уверен, / что с вами днем увижусь я*. Но этих прекрасных слов у Констанана нет; это творение Пушкина и факт русского языка.

В текстах Пушкина немало языковых галлицизмов, в том числе тех, которые Г.О. Винокур назвал “непроизвольными” [Винокур 1991: 210]. Вот некоторые примеры из тех, что встретились нам при написании данной статьи вне анализируемых переводов. В конце повести “Дубровский” Пушкин пишет: *Вдруг три или четыре солдата показались из лесу и тотчас подались назад*. Соединение двух числительных союзом *или* (*три или четыре; шесть или семь*) – характерный для французского языка способ обозначения небольшого неопределенного количества. По-русски в этом случае обычно обходятся без союза: *шесть-семь*. *Никогда не пожертвую искренностию и точностию выражения провинциальной чопорности и боязни казаться просто-народным, славянофилом и тому под.* [РПЯ 1954: 81]. Здесь управление глагола *пожертвовать что-л. чему-л.* точно воспроизводит конструкцию французского глагола *sacrifier qch à qch* в значении “приносить что-л. в жертву чему-л.” Встречаются несвойственные русскому языку формы множ. числа, возможные во французском: *Его* (Радищева) *изучения Тилемахиды замечательны* [Пушкин VII: 298]. Множ. число *изучения* воспроизводит, по-видимому, франц. *études*. В названии заметок “Опровержение на критики”, откуда взят предыдущий пример, множ. число *критики* также образовано по образцу франц. *critiques*. Во французском языке вообще связь между граммемой и лексемой менее жесткая, менее избирательная, чем в русском. Поэтому многие существительные, обозначающие абстрактные, несчисляемые или единичные объекты, могут принимать форму множественного числа; при этом происходит рекатегоризация – переход имени в другую семантическую группу со сдвигом в значении (*изучение* → *исследования*; *критика* → *критические замечания*).

В том же “Опровержении на критики” Пушкин отмечает, что за шестнадцать лет, что он печатался, критики справедливо заметили в его стихах пять ошибок [Пушкин 1949, VII: 174]. Можно полагать, что две из них (1-я и 4-я в списке Пушкина) были навеяны формами французского языка. В первой ошибке – *останавлиал взор на отдаленные громады* употреблен винительный падеж вместо желательного предложного. Во французском языке вообще не выражается различие между *куда?* и *где?* в выборе наречий и предлогов; только глагол своей семантикой показывает различие между направлением и местоположением. Синтагма *fixer son regard sur qch* “останавливать взор на” не показывает, идет ли речь о направлении или местоположении (пусть даже в переносном смысле). При переводе приходится учитывать это межъязыковое различие и заменять при необходимости глагольное управление. В русском языке встречаются случаи, когда в одной и той же ситуации после глагола перемещения без существенного различия в значении может быть употреблен винительный или предложный падеж: *Он сел в первый ряд или в первом ряду*. Но выражение *останавливать взор на* к таким случаям не относится; Пушкин заменил его другим глаголом. В случае 4 поэт употребил форму *был отказан* вместо *ему отказали*. Ошибочная форма представляет собой явный галлицизм: франц. *refuser* (vi) “отказать” при дополнении, обозначающем лицо, значит “не впускать, не принимать кого-л.”, а в устаревшем употреблении “не допускать в свой круг”. Этот переходный глагол может быть употреблен в пассиве.

Перейдем к сопоставлению языка пушкинской прозы и их французских переводов.

В качестве материала анализа в настоящей статье используются переводы “Пиковой дамы” и рассказа “Выстрел” (ВМ), выполненные П. Мериме, трех “Повестей Белкина” [“Выстрел” (В), “Метель” (М), “Гробовщик” (Г)], сделанные А. Жидом и Ж. Шифреном. Участие в переводе таких мастеров французской прозы, как П. Мериме и А. Жид, обеспечивает добротность французского языка, хотя в переводе П. Мериме отмечались ошибки, связанные с непониманием отдельных мест русского текста, да и в целом этот перевод оказывается более дословным, чем перевод современных авторов.

Что касается галлицизмов, то некоторые обороты или значения слов у Пушкина действительно можно отнести к влиянию французского языка. На французский язык они переводятся, как правило, дословно. Например, независимый деепричастный оборот: *Имея право выбрать оружие, жизнь его была в моих руках* (В) – *Ayant le droit de choisir les armes, sa vie était entre mes mains*. Показательно, что та же конструкция избрана и в переводе Мериме. Можно видеть аналогичный оборот и во фразе: *Пробегая письмо, глаза его сверкали* (В), если полагать, что пробежал письмо сам читающий человек, а не его глаза. В обоих переводах воспроизведена такая же структура: *En parcourant la lettre, ses yeux s'étincelaient*.

В текстах можно встретить фразеологические галлицизмы, которые также дословно воспроизводятся во французском переводе: *Держать стол открытым* (В) “быть гостеприимным, хлебосольным” – *tenir table ouverte* (в обоих переводах). Некоторые пушкинские словоупотребления подсказаны, по-видимому, французским языком. В переводах в этом случае восстанавливаются соответствующие французские слова. Например: *Мы, согласясь соединиться у Сильвио, разошлись каждый в свою сторону* (В). Возможно, здесь глагол *соединиться* вместо ныне более уместного *собраться*, навеян французским *se réunir*, который значит и “собраться” и “соединиться”. Именно он обнаруживается в переводе: *Nous en fûmes chacun de son côté après être convenus de nous réunir chez Silvio*. Французское прилагательное *discret* в первом значении означает “скромный, неброский”, во втором – “неболтливый, умеющий хранить тайну”. Пушкин придал это второе значение и русскому прилагательному *скромный*: *Никто в доме не знал о предполагаемом побеге. ... Священник, отставной корнет, уса́тый землемер и маленький улан были скромны, и недаром. ... Таким образом тайна была сохранена* (М). Во французском переводе об участниках приключения говорится: *(Ils) furent discrets, et pour cause*, т.е. своеобразное значение русского прилагательного соответствует обычному значению французского. Хотя не исключено, что Пушкин ради шутки поместил галлицизм среди названий российских персонажей (к ним добавлялся еще кучер Терешка). Значение слова *скромный* уточняется последующей фразой русского текста. Встречаются галлицизмы и грамматического характера: *Три дня после роковой ночи* (ПД) – *Trois jours après la nuit fatale*. Во французском языке обстоятельство времени часто выражается без предшествующего предлога, тогда как в русском он может оказаться желательным; ср. *в прошлом году* – *l'année passée*; *он придет в четверг* – *il viendra jeudi*. Отсутствие предлога в пушкинской фразе (вместо *через три дня*) делает ее вполне аналогичной нормативной французской *trois jours après*...

Однако одни лишь галлицизмы, сколь бы частотны они ни были, не дают достаточных оснований для характеристики текстов, для определения степени влияния французского языка на язык Пушкина. Переводы позволяют наглядно выявить более глубинные особенности национальной специфики художественной речи и языка в целом. При описании одной и той же ситуации люди, говорящие на разных языках, могут вычленять различные ее компоненты, различные типы связей между последними, по-разному организовать дискурс, выводя их в поверхностную структуру (другие элементы ситуации остаются на глубинном уровне и понимаются слушающим на основе знания ситуации и контекста) и использовать для описания одной и той же

ситуации различные семантические модели. Выбор номинаций и моделей определяется средствами языка и речевыми тенденциями. Например, основными параметрами движения являются его способ и направление. В русском высказывании в первую очередь фиксируется способ передвижения или оба аспекта, благодаря наличию и употребительности приставочных глаголов, которые своей основой описывают способ движения, а префиксом – направление. Во французском высказывании выводится на поверхностный уровень прежде всего направление движения. Например: *Гробовщик подходил уже к своему дому* (Г). – *Le marchand de cercueils s'approchait déjà de sa maison*; *Он пошел на лестницу* (Г) – *Il monta l'escalier*. В обоих русских высказываниях выражен способ передвижения (глаголом *идти*), во французских – только направление движения (“приближаться” в первой фразе, “подниматься” – во второй, способ передвижения, ясный из контекста, совсем не обозначен). Невыраженные в поверхностной структуре элементы ситуации осознаются воспринимающим на основании знания им ситуации и контекста. Ситуация местонахождения по-русски может быть выражена моделью локализации или включения, по-французски моделью обладания. Совокупность подобных явлений образует национальную стилистику языка [Гак 1963; 1998: 629–639], что можно также называть грамматикой речи, внутренней формой языка на уровне высказывания, либо динамической картиной мира, присущей данному языку. Национально-стилистические черты возникают на основе общих особенностей лексического состава и грамматического строя языка, отражают общие тенденции пользования им и его развития. Как и всякие стилистические особенности, они включают качественные и количественные характеристики. В первом случае речь идет о явлениях, присущих одному из сопоставляемых языков и отсутствующих в другом, во втором – о разной избирательности, о разной частотности использования аналогичных форм в разных языках. Рассмотрим некоторые общие параметры организации высказывания в русском и французском языках на основании сравнения пушкинских текстов и их французских переводов (следует подчеркнуть важность частотного критерия: за каждым из приводимых примеров стоит целый ряд аналогичных фактов).

Характерные расхождения в построении высказывания в двух языках можно обнаружить даже в структуре элементарных диалогических реплик. И это не случайно, т.к. в диалогических репликах, как море в капле воды, отражается общая специфика данного языка. Отметим некоторые особенности построения реплик. Французская речь характеризуется большей с у б ъ е к т и в н о с т ь ю, направленностью ее на 1-е или 2-е лицо, тогда как в русской сравнительно чаще реплика ориентируется на третье лицо или имеет безличную форму. Ср.: – *Выиграла!* – сказал Германн, показывая свою карту (П). – *Je gagne, dit Hermann en montrant sa carte*. Французская реплика соотносит ситуацию непосредственно с говорящим, русскую мог бы произнести любой из присутствующих. – *А каков Германн?* (П) – *Comment trouvez-vous Hermann?* Русская фраза формально не соотносится ни с каким субъектом, хотя, разумеется, в глубинной структуре присутствует адресат вопроса. Во французской указание на адресата выводится в поверхностную структуру (букв. “Как вы находите Германна?”).

В русских диалогических репликах часто присутствует формальный з а ч и н, выражаемый союзами *а*, реже *и*; во французских такого рода зачина нет, либо используется эмоциональный зачин типа *oh! ah! comment!* и др. Например: – *А приходили ко мне от покойницы Трюхиной?* – *Покойницы? Да разве она умерла?* (Г) – *Est-on venu ici de la part de la défunte Trioukhina?* – *La défunte? Elle est donc morte?*; – *И ты ни разу не соблазнился?* *Ни разу не поставил на р у т е?*... *Твердость твоя для меня удивительна.* (П). – *Comment! dans toute ta soirée tu n'as pas essayé une fois de jouer le roué. En vérité, ta fermeté me passe.* Русские реплики начинаются зачином *А* или *И*, во французских зачин отсутствует или имеет более эмоциональную форму.

Различным образом выражается связь реплики-стимула и реплики-реакции.

Типологически здесь могут быть три варианта: использование слова-рефлекса типа *да, нет* (– *Ты читал эту книгу?* – *Да*); повтор рематического элемента из фразы-стимула, который может заменять слово-рефлекс (– *Читал*); частичный повтор (повтор служебного глагола сложной формы: – *Ты будешь читать эту книгу?* – *Буду*). Французский язык использует преимущественно первый вариант (часто с добавлением обращения: *Monsieur, Madame* и т.п.), русский язык – второй, для английского характерен третий. Например: – *Это была шутка*. – *Этим нечего шутить*, – возразил сердито Германн (П) – *C'était une plaisanterie*. – *Non, Madame, répliqua Hermann d'un ton colère*. Возражение выражено в русском тексте с помощью повтора с транспозицией (*шутка* – *шутить*), тогда как во французском отрицанием *non*, которое часто используется для выражения запрета, нежелательности какого-либо действия.

Важным средством связи реплик являются к о н н е к т о р ы, разного рода связующие элементы, которые в двух языках используются несимметрично. Французский текст в целом более конденсирован, чем русский, связь реплик между собой более часто выражена эксплицитно. Вследствие этого во французский перевод добавляются различные связующие слова модального характера. Так, в приведенном выше примере включен вводный элемент *en vérité* “в самом деле, поистине”. Выражение *en effet* со сходным значением включено в перевод последующей реплики Нарумова. “*Каково торгует ваша милость?* – спросил Адриан. *Э-х-хе, – отвечал Шульц, – и так и сяк. Пожаловаться не могу*”. (Г). Во французский перевод вводится модальный элемент *du reste* (“впрочем”): ... *Je n'ai du reste pas à me plaindre*. В приведенном выше примере из “Гробовщика” русская частица *разве* выражает только вопрос, необходимость удостовериться, тогда как введенное во французский перевод *donc* “значит, следовательно” уточняет причинно-следственную связь.

Рассмотрим теперь некоторые общие параметры организации высказывания в двух языках. В аспекте понимания (декодирования) французскому языку свойственна большая зависимость слова от окружения и высказывания от контекста. В русском языке употребляется сравнительно чаще прямая номинация, не зависящая от контекста. Благодаря соотносительности с окружением во французском языке могут быть использованы гиперонимические (родовые) обозначения, контекстуально соответствующие русским гипонимическим. Это особенно характерно при переводе на французский язык русских приставочных глаголов. Во французском переводе употребляется глагол более общего значения, семантически соответствующий русской глагольной приставке, тогда как характер самого действия подсказывается предыдущей фразой или ситуацией. Например: *Мы хвастались пьянством*. *Я перепил самого Бурцева*. (В) – *Nous faisons parade de nos soûleries*. *Je l'emportais même sur le fameux Bourtsev*. Французское выражение *l'emporter sur* обозначает превосходство в любом деле, тогда как русский глагол *перепить* указывает на “превосходство” только в пьянстве. Точное значение французского выражения становится ясным лишь по связи с предыдущим контекстом. В переводе Мериме используется образное выражение: *J'ai mis sous la table le fameux B.*, букв. “я уложил под стол знаменитого Б.” Но и здесь точное значение выявляется благодаря анафорической связи, т.к. выражение может означать “слишком сильно напоил”, а не только “перепил”. В других случаях точная референция глагола, равнозначного русскому префиксу, определяется не по предыдущей фразе, а по дополнению (обстоятельству), относящемуся к глаголу: *Он прострелил мне вот эту фуражку* (В) – *Il traversa d'une balla cette casquette que voici*. Сам по себе глагол *traverser* указывает только на направление действия, не уточняя способа (орудия) действия, он может переводиться “пронзать”, “пробивать” и т.п. Значение “прострелить” обеспечивается орудийным дополнением “(пронзить) пулей”. Равным образом *Нас растащили* (В) переведено *On nous sépara de force*, где глагол равнозначен русскому префиксу *раз-*, обозначающему

разъединение вообще, а насильственный характер самого действия (*тащить*) выражается обстоятельством *de force* (“силой”). В случае с приставками мы имеем качественное расхождение между двумя языками: во французском языке такой разветвленной системы превербов нет, но показательно, что русский язык не использует форм, аналогичных французским, хотя такие возможности имеются; здесь проявляется характерная избирательность.

Одним из характерных количественных расхождений между стилистиками двух языков, обнаруживающихся и в данных переводах, является “с и н т а к с и ч е с к и й а н и м и з м” – использование существительного неодушевленного в качестве подлежащего переходного глагола, что придает предложению определенную степень метафорического звучания, поскольку эта функция обычно закрепляется за именем, обозначающим предмет, способный к активному действию. Например: *Этому дому я обязан... одним из самых тяжелых воспоминаний* (В) – *Cette maison me rappelle aussi de très pénibles souvenirs*; *Благодаря открытому нраву Готтлиба Шульца вскоре они разговорились дружелюбно* (Г) – *La nature ouverte de Gottlieb Schultz permit vite à la conversation de devenir très cordiale*. В тексте Пушкина подобная конструкция встречается преимущественно при подлежащем, выраженном абстрактным существительным, например: *Опытность давала ему перед нами многие преимущества* (В). *Ее присутствие вернуло мне бодрость*. В таких случаях французский перевод сохраняет структуру предложения неизменной. Возникает вопрос, не является ли использование подобных оборотов влиянием французской стилистики, и не обратился ли Пушкин к этой модели в процессе разработки русского “метафизического” языка для описания внутреннего мира человека, его переживаний.

Во французском переводе встречается и использование существительного неодушевленного при глаголе, употребляющемся обычно с дополнением, указывающим на одушевленный объект. Русской речи это свойственно в меньшей степени: *(Он) стал бранить обеих своих дочерей ... за их медлительность* (Г) – *Il tança la lenteur de ses deux filles* (букв. “бранить медлительность своих дочерей”).

Употребление неодушевленного подлежащего нередко связано с выражением актуального членения – противопоставления темы и ремы. В русском языке, благодаря свободному порядку слов, тема может быть выражена второстепенным членом в начале предложения, во французском языке такая инверсия не всегда возможна (или желательна): тема оформляется синтаксическим подлежащим, рема – дополнением. В подобных случаях русскому инвертированному подлежащему (даже неодушевленному) может соответствовать французское дополнение. Ср: *У него водились книги* (В) – *Il avait des livres*; *Он находил chez lui des livres* (ВМ). Косвенное дополнение – тема в начале фразы – характерная черта русского синтаксиса, почти несвойственная французскому языку; при переводе его обычно заменяет подлежащее: *Адриану лицо его показалось знакомым* (Г) – *Adrien crut reconnaître ce visage*; *Адриану некогда было церемониться* (Г) – *Des cérémonies, Adrien n'avait guère le temps d'en faire*. И также: – *Кому опять до меня нужда?* (Г). – *Qui aurait-il encore besoin de moi?* *Маше все еще не верилось* (В) – *Macha ne me croyait toujours pas*; *Теперь уже поздно противиться судьбе моей* (М) – *Je ne peux plus lutter contre ma destinée*.

Важнейшим аспектом национальной стилистики является степень синтаксической компактности текста. В целом она больше свойственна французскому языку и проявляется в ряде моментов. Первый из них – более частое использование гипотаксиса, которому в русском тексте соответствует паратаксис. Еще Л. Теньер отмечал большую распространенность гипотаксических конструкций во французском языке по сравнению с латинским и немецким языками [Теньер 1988: 330–334]. Русскому паратаксису также нередко при переводе соответствует французский гипотаксис. Это чисто количественное явление, так как обе структуры возможны в обоих языках.

Эта тенденция обнаруживается на разных уровнях. Прежде всего, в способе выражения м о д у с а высказывания, который в русском языке часто обозначен ввод-

ным словом, тогда как во французском – главным предложением в составе сложного (синтаксические связи здесь все же более жесткие, чем между вводным словом и предложением) или в сказуемом простого предложения: *Кажется, я не соглашался* (В) – *Je crois que je ne consentais pas; Ты, верно, вчера угорела?* (М) – *Ta cheminée a dû fumer hier?* В последнем примере эпистемический модус выражен вводным словом по-русски и переосмысленным глаголом *devoir* в составе сказуемого по-французски.

Нередко при переводе имеет место стяжение нескольких предложений в одно. Вот характерный пример: *Гости ушли; мы остались вдвоем, сели друг против друга и молча закурили трубки.* (В) – *Sitôt que les invités nous eurent laissés, nous nous sommes assis, Silvio et moi, l'un en face de l'autre et allumâmes nos pipes en silence.* В русском тексте четыре независимых предиката, во французском – три. Два события, описанные в русском тексте двумя предложениями (“гости ушли”, “мы остались одни”), выражаются во французском одним сложноподчиненным (“как только гости нас покинули”). Аналогичный пример: *Это было на рассвете. Я стоял на назначенном месте с моими тремя секундантами* (В) – *Mes trois témoins et moi nous nous trouvâmes au point du jour à l'endroit désigné.* Здесь два предложения сливаются в одно. Нередко синтаксическое стяжение сочетается с “синтаксическим анимизмом” – употреблением существительного неодушевленного в качестве подлежащего при переходном глаголе: *Двери отворились и вошел мужчина лет тридцати двух.* (В) – *La porte s'ouvrit et laissa entrer un homme d'une trentaine d'années.* Каузативная конструкция, столь характерная для французского языка, позволяет соединить два предложения в одно и представить субъект первого предиката субъектом второго.

Последний пример показывает еще одно проявление синтаксического стяжения: тенденция к единству субъекта в смежных предложениях. *Гробовщик подходил уже к своему дому, как вдруг показалось ему, что кто-то подошел к его воротам.* (Г) – *Le marchand de cercueils approchait déjà de sa maison lorsqu'il lui sembla soudain voir quelqu'un devant sa porte.* В русском предложении последовательность семантических субъектов: гробовщик – ему – кто-то, во французском: “гробовщик” – “ему”; третий, “посторонний” субъект преобразован в объект благодаря замене глагола движения глаголом восприятия. Другой пример: *Адриан тотчас же познакомился с ним/Юркою/..., и как гости пошли за стол, то они сели вместе.* (Г) – *Adrien s'empresse de lier connaissance avec cet homme..., et, lorsque les invités se mirent à table, il s'assit à côté près de lui.* Ради сохранения формального единства субъекта описание изменено без ущерба для смысла: вместо *они сели вместе* в переводе сказано: “он сел рядом с ним”. Для сохранения единства субъекта вводятся каузативные глаголы, а также семантически избыточные глаголы восприятия, которые не искажают смысла предложения. Вот еще пример: *Гробовщик благополучно дошел до Никитских ворот. У Вознесения окликал его знакомец наш Юрко.* (Г) – *Le marchand de cercueils atteignit allégrement la porte Nikitskié. Près de l'église de l'Ascension il s'entendit héler par le sergent Yourko* (букв. “он услышал, как его окликнул будочник Юрко”).

Но может быть такое объединение предложений нарушает авторский пушкинский стиль, которому свойственна, как отмечали его исследователи, короткая простая фраза, без стилистических фигур, некоторая суховатость [Винокур 1991:184–185]. У русского читателя французских переводов может сложиться впечатление, что фраза Пушкина в них утяжеляется, несколько метафоризируется. Но одно и то же средство может иметь в разных языках различное стилистическое преломление, производить разное впечатление. Принимая во внимание, что разные переводчики следуют одним и тем же преобразованиям, эти изменения можно относить к специфике национального стиля и не видеть в них искажения идиостиля автора.

Стяжение отдельных предложений или предикатов в одно предложение делает менее выпуклым каждый отдельный элемент или аспект ситуации. На это обращает внимание З.И. Кирнозова, в предисловии к книге [Мериме 1987].

Германн пошел за ширмы. За ними стояла маленькая железная кровать; справа находилась дверь, ведущая в кабинет; слева, другая – в коридор. (П) – *Hermann passa derrière le paravent, qui cachait un petit lit en fer. Il aperçut deux portes: à droite, celle du cabinet noir, à gauche, celle du corridor.*

Называя этот момент одним из кульминационных в повести, З.Н. Кирицова пишет: «Здесь сам ритм авторской речи сообщает душевный настрой Германны – его предельную собранность, остроту взгляда, точно фиксирующего “топографию вражеской местности”» (Mérimee 1987: 15). Повествование Мериме она находит “более ровным”. Но если в начале пассажа два предложения в переводе слились в одно, то позднее выделилось отдельное предложение. Если “острота взгляда” в русском варианте передается последовательностью отдельных предложений, то в французском переводе она выражена эксплицитно: *il aperçut* “он заметил”. Использование этого вводного элемента позволил Мериме сделать описание достаточно энергичным, опустить избыточные предикаты *находилась, ведущая*, повторную идентификацию двери: *(слева) другая*. Эта “топографическая” фраза в обратном переводе с французского дословно звучит так: “Германн пошел за ширму, которая скрывала маленькую железную кровать. Он увидел две двери: справа – в темный кабинет, слева – в коридор”. В первой фразе паратакисис заменен гипотаксисом (*qui cachait...*) с неодушевленным подлежащим. Вторая фраза вводится, как отмечалось, глаголом восприятия. Оба этих преобразования отмечались выше при анализе фраз из других произведений. В переводе Мериме следует видеть не прихоть переводчика, а отражение общих стилистических свойств языка перевода.

Подчеркнем еще раз специфику глаголов восприятия. Восприятие (знание, чувство) в принципе предшествует речи. Человек может говорить и писать только о том, что доступно либо его собственному восприятию, либо восприятию описываемого им персонажа, или каких-либо людей вообще. Нельзя сказать *Раздался звонок*, если нет и не может быть людей, которые могли слышать этот звонок. Фраза *Бежит собака* невозможна, если не предполагается некто, кто бы мог видеть это явление. Конкретное или неопределенное воспринимающее лицо всегда присутствует в глубинной структуре ситуации. Отображение его в поверхностной структуре предложения зависит от выбора говорящего и общих установок соответствующего языка. Французский язык в значительно большей степени, чем русский, отмечает восприятие. Поскольку указание на восприятие, присутствующее в ситуации, часто оказывается семантически избыточным, глаголы восприятия (и вообще – глаголы модуса) могут без ущерба для смысла высказывания включаться в его состав, что позволяет французскому языку решать ряд строевых задач с целью преодоления свойственных ему жестких синтаксических рамок.

Для достижения одного и того же стилистического эффекта разные языки, как мы видели, используют разные средства. Вот еще один пример подобного рода. Германн напряженно ожидает возвращение графини с бала. Стремительность событий, взволнованность персонажа передается в пушкинском тексте краткими отрывистыми фразами. Но вот карета приближается. *Часы пробили первый и второй час утра, – и он услышал дальний стук кареты... В доме засуетились. Люди побежали, раздались голоса.* (П) – *Il entendit sonner une heure, puis, deux heures. Puis, bientôt, le roulement lointain d'une voiture... Grand bruit aussitôt de domestiques courant dans les escaliers, des voix confuses.* Вначале в переводе используется глагол восприятия (*il entendit* “он услышал”), который не может быть повторно употреблен для дословного перевода русского *он услышал*. Крайний динамизм в русском тексте выражен последовательностью глаголов, а во французском – в соответствии с стилистическими традициями этого языка – цепочкой безглагольных номинативных предложений.

Французскому языку свойственна большая зависимость высказывания от текста. Среди многих проявлений этой особенности отметим две. Во-первых, это более широкое употребление местоименной репрезен-

тации, чем в русском тексте, где при кореференции относительно чаще используется прямое обозначение объекта. Пушкин пишет: *Германн отворил дверь* (П). Мериме переводит: *Il ouvrit cette dernière*. Русская фраза семантически является самодостаточной. В ней самой указано, кто и что отворил. Во французской – вследствие местоименных замен – субъект и объект опознаются только благодаря анафорической связи с предыдущими предложениями. Нанизывание местоимений при кореференции – отличительная черта французской стилистики. Русский язык не допускает скопления местоименных замен, но мирится с повтором прямых номинаций (имен собственных и др.).

Другим проявлением большей связи данного высказывания с текстом является употребление префикса *re-*, который может нести и анафорическую функцию. Например: *Сильвио взял мел и уравнил счет по своему обыкновению... Офицер... взял щетку и стер то, что казалось ему напрасно записанным. Сильвио взял мел и записал снова.* (В) – *Silvio prit la craie, et selon son habitude, rétablit le compte... L'officier... saisit la brosse et effaça ce qui lui paraissait inscrit à tort. Silvio, reprenant la craie, l'inscrivit à nouveau.* Не только стилистика французского языка меньше допускает прямые повторы слов (ср. *взял – взял – взял и prit – saisit – reprenant*; даже если такой повтор был специальным приемом у Пушкина, французские переводчики не стали его воспроизводить), она требует употребления *re-*, когда речь идет о повторном или обратном действии, что не так существенно для русского языка. Этот префикс связывает данное высказывание с предыдущими.

Кроме рассмотренных общих параметров высказывания приведенные примеры показывают целый ряд других, более частных, характерных расхождений между двумя языками. Например, *разговор у них и leur entretien* (французский посевив часто соответствует русскому предложному обороту *у него*); *я с моими тремя секундантами и mes trois témoins et moi* (совокупный субъект не должен по-французски начинаться с местоимения первого лица) и т.п. Как было видно, в выборе средств выражения при переводе большое значение имеют не только лексико-грамматические факторы, но национально-стилистические особенности языка. Галлицизмы в прозе Пушкина – поверхностные явления. Что касается глубинной внутренней формы и национально-стилистических норм русского языка, то язык пушкинской прозы принципиально отличается от норм и тенденций французской речи. Даже там, где можно было бы дословно воспроизводить французские речевые структуры, Пушкин обращается к собственно русским формам организации высказывания. Поэтому переводы русской прозы на французский язык, несмотря на “простоту” и сдержанность пушкинского стиля, постоянно требуют серьезной перестройки лексико-грамматической организации предложений. Аналогичные расхождения обнаруживаются при сопоставлении любых русских и французских художественных текстов. Это свидетельствует о том, что в своей глубокой основе русский язык со времен Пушкина не претерпел существенных изменений, сохранив свою национальную стилистическую основу, и что пушкинская или толстовская проза не имеют признаков “гибридной” речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахматова А. 1986 – Сочинения в двух томах. М., 1986.
Виноградов В.В. 1980 – Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.
Винокур Г.О. 1991 – О языке художественной литературы. М., 1991.
Гак В.Г. 1963 – О национальных стилистических особенностях французского языка // Вопросы романского языкознания. Кишинев, 1963.
Гак В.Г. 1998 – К проблеме сопоставительного типологического анализа речевого акта и текста // Языковые преобразования. М., 1998.
Губер А. 1935 – Рукописи Леонардо // Леонардо да Винчи. Избранные произведения в двух томах. М., 1935.

- Гуськова А.Б.* 1995 – “Вятские будни” // Вестник Российской Академии наук. 1995. № 1.
- Лотман Ю.М.* 1994 – Русская литература на французском языке // Русская литература на французском языке XVIII–XIX веков. Wien, 1994.
- Мериме П.* 1987 – Mérimée – Пушкин / Составление и предисловие Кирнозовой. М., 1987.
- Пушкин А.С.* 1949 – Полное собрание сочинений в десяти томах. М.; Л., 1949.
- РПЯ* 1954 – Русские писатели о языке (XVIII–XIX вв.) М., 1954.
- Руссо Ж.Ж.* 1968 – Юлия, или Новая Элоиза. М., 1968.
- Теньер Л.* 1988 – Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
- Томашевский Б.В.* 1960 – Пушкин и Франция. Л., 1960.
- Щерба Л.В.* 1957 – Избранные труды по русскому языку. М., 1957.